

Радь Эльза Анисовна

СИСТЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТЕЙ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" И ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРИТЧИ О БЛУДНОМ СЫНЕ

В статье рассматривается соотношение инварианта, содержащего генетическую информацию о конфликте отцов и детей, и варианта, в структуре которого благодаря мотиву "отцы – дети" так или иначе "заключен" архетипический сюжет. Древнерусский сюжет являет собой интерпретацию всевременной темы и своеобразный отход от библейской нормы в конкретной житейской ситуации. Автор статьи объясняет вариативность сюжета о блудном сыне координатами смыслового пространства, "заложеными" в структуре инварианта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 172-175. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

9. Грачев А. Ярый против видеопиратов. М.: Вагриус, 1999. 416 с.
10. Громов В. Компромат для олигарха. М.: Вагриус, 2000. 396 с.
11. Данилюк С. Бизнес-класс. М.: Вагриус, 2003. 445 с.
12. Ермакова Е. Н. Отфраземное словообразование и его отражение в современных словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2011. № 3 (33). С. 45-49.
13. Житков А. Кафедра. М.: Вагриус, 2000. 348 с.
14. Козырева Е. Дамская охота. М.: Вагриус, 2001. 384 с.
15. Корнешов Л. Газета. М.: Вагриус, 2000. 365 с.
16. Леонов Н., Макеев А. Гроссмейстер сыска. М.: Эксмо, 2003. 411 с.
17. Милованов М. Естественный отбор. М.: Вагриус, 2000. 365 с.
18. Милованов М. Рынок тщеславия [Электронный ресурс]. М.: Вагриус, 2000. URL: http://lib.ru/RUSS_DETEKTIW/MILOWANOW/rynok.txt
19. Михайлов А. Капкан для одинокого волка. М.: Вагриус, 2001. 237 с.
20. Мясников В. Водка. М.: Вагриус, 2000. 412 с.
21. Прашкевич Г., Богдан А. Человек «Ч». М.: Вагриус, 2001. 301 с.
22. Романов С. Парламент. М.: Вагриус, 2000. 381 с.
23. Савельев А. Аркан для букмекера. М.: Вагриус, 2000. 368 с.
24. Сидорова Е. И. Понятие и состав следственной тайны // Вестник ВИ МВД России. Воронеж, 2007. № 3. С. 57-58.
25. Скворцов В. Каникулы вне закона. М.: Вагриус, 2001. 381 с.
26. Скворцов В. Сингапурский квартет. М.: Вагриус, 2001. 445 с.
27. Троицкий А. Удар из прошлого. М.: Вагриус, 2000. 384 с.
28. Юзефович Л. Князь ветра. М.: Вагриус, 2001. 267 с.
29. Юзефович Л. Костюм Арлекина. М.: Вагриус, 2001. 269 с.

TERMINOLOGICAL MARKERS OF DETECTIVE FICTION LANGUAGE AND THEIR TRANSFORMATION IN LITERARY TEXT

Prokopova Maiya Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tobol'sk State Social-Pedagogical Academy named after D. I. Mendeleev
maya-vladi@yandex.ru

The author researches the features of contemporary Russian popular literature language, substantiates that the study of communication processes in the sphere of literary creative work allows not only characterizing the modern aesthetic paradigm, but also revealing the reserves for future language innovations, considers the functions of legal terms and terminological combinations in detective fiction works, ways of their transformation in a literary text, and shows the pragmatic aspect of this phenomenon.

Key words and phrases: mass literature; detective fiction; term; terminological combination; phraseologized expression; transformed phraseological unit.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается соотношение инварианта, содержащего генетическую информацию о конфликте отцов и детей, и варианта, в структуре которого благодаря мотиву «отцы – дети» так или иначе «заключен» архетипический сюжет. Древнерусский сюжет является собой интерпретацию всевременной темы и своеобразный отход от библейской нормы в конкретной житейской ситуации. Автор статьи объясняет вариативность сюжета о блудном сыне координатами смыслового пространства, «заложеными» в структуре инварианта.

Ключевые слова и фразы: сюжет-архетип; диалог с мифом; мотив; трансформация; эквивалентности.

Радь Эльза Анисовна, к. филол. н., доцент

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)
elza_rad@mail.ru

СИСТЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТЕЙ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРИТЧИ О БЛУДНОМ СЫНЕ[©]

Впервые в современном литературоведении на сюжетное сходство «Слова о полку Игоре» с притчей о блудном сыне указал Б. М. Гаспаров [1, с. 298-322]. Акцентируя внимание на мотивах расточения отцовского имени, грехопадения, гибели/умирания, возвращения/воскресения, сопряженных с образом главного героя, исследователь говорит о нарушении завета *о единении*, выражением которого служит формула «все мое твое», о княжеских уособицах: «...картина княжеских уособиц, поднявшейся девы Обиды и гибели

Русской земли имеет сложный подтекст, в котором контаминируются несколько различных, хотя и связанных между собой источников: Откровение и эсхатологическая литература, притча о Блудном сыне, молитва о сохранении единства и спасении тех, кто только что воспринял учение Христа (Евангелие от Иоанна). При этом все данные подтексты выступают в негативной функции: текст «Слова» строится как антитеза и инверсия выражений Священного Писания, к которым он отсылает читателей. За описанием реальных событий и типизированной дидактической картиной бедствий встает еще один, космически-обобщающий план, смыслом которого является невыполненное обещание, нарушенный завет и как следствие этого – наступление апокалиптических казней» [Там же, с. 305].

Б. М. Гаспаров, по большому счету, указывает на систему эквивалентностей двух текстов – Притчи и «Слова». Инверсия выразилась в трансформации образа Блудного сына-грешника в героический образ, о чем свидетельствует сюжетная очередность действий героя, богатая добыча войска Игоря и финал – возвращение и слава в его честь. Система эквивалентностей подкреплена рядом дихотомий, выстраивающих антитетичный¹ мир художественного произведения XII века. В связи с этим задача исследования заключается в том, чтобы в сопоставляемых текстах с единой структурной единицей выявить сходства и различия, неповторимость и смысловые полтона в решении проблемы «отцов» и «детей», уяснить, как с помощью канонического текста-кода постигается конкретная жизненная ситуация.

Мотив «отцы – дети», являясь носителем устойчивого значения и генетической информации, варьируется в литературе от фабулы к фабуле, от текста к тексту, при этом оставаясь самим собой. В варианте «Слова о полку Игореве» этот мотив расширяет координаты смыслового пространства отношений «сын – отец», обозначенных в притче как содержащие смысловой потенциал вариативности, через традиционную систему взаимоотношений «герой – властитель». Общая модель функционирования мотива «отцы – дети» в нарративе притчи содержит в себе дихотомию. Функция мотива связана с отражением конфликтных/не-конфликтных отношений двух актантов. Мотив «отцы – дети» репрезентирован в повествовании посредством события – в поход, заведомо обреченный на неуспех, отправляются братья Игорь и Всеволод («Оба мы – Святославичи!»). Нарушая запрет, вопреки великокняжеской воле Святослава, князь Новгород-Северский Игорь проявляет *своеволие*, дерзость, отвагу и безрассудство, творит собственную биографию (Игорь «выковал ум твердостью своей и наострил его мужеством своего сердца, исполненный боевого духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую» [6, с. 36]). Контроверза², возникшая между князем Игорем и князем Киевским Святославом, семантически близка контроверзе в евангельской притче: в обоих нарративах проявление индивидуальности (*самостоятельности*) вступает в противоречие с общегосударственной/общечеловеческой *установкой* – на духовный союз поколений и единство человека с Богом-отцом в Притче; в «Слове» – на единство с Киевским князем (политическая подописка – феодальная верность), единство Русской земли, союз русских князей. Наличие двух структурных составляющих в нарративах Притчи и «Слова» порождает *ситуацию выбора пути* – следовать традиции (в Притче)/проявить послушание (в «Слове») или идти собственной дорогой (в Притче)/добывать себе славу (в «Слове»). Игорь является носителем представлений княжеской чести и славы, ориентированных на добывание *себе* славы, чести, хвалы («показать мужество»), и поэтому преследует *личный интерес*. Его сознание сформировано исторической эпохой, допускающей формулу поведения «Это мое, а то тоже мое» [Там же, с. 40]. Д. С. Лихачев в связи с этим говорит о *зablуждениях эпохи*, сыном которой является князь Игорь, «заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины» [3, с. 129]. Координата смыслового пространства «блудный» за счет расширения смысла от значений «блуждающий в пространстве» и «совершающий грех» до значения «зablуждающийся» становится смысловой вариацией, порождаемой произведением. Носителем кодекса княжеского поведения, ориентированного на сохранение единства Русской земли, человеком, преследующим *государственный интерес*, является Святослав. Через образ Святослава-властителя, осуждающего Игоря и ликующего в финале, репрезентируется семантически целостный образ идеального разрешения конфликта поколений, образ, несущий функцию объединяющего начала в конкретном фабульном выражении. Ключевой для сюжета мотив «отец – дети» событийно разворачивается, программирует и обуславливает развитие столкновения интересов Святослава и Игоря.

Ситуация выбора пути, в которой «ум князя уступил желанию», перерастает в самовольный поход. Движимый жаждой воинской славы, гордостью и личностными амбициями, герой «отпадает» от «отца» Святослава и отца-Бога. А. А. Косоруков указывает на политическую ограниченность и духовное невежество Игоря, выраженное в небрежении к земной и Небесной Иерархии власти. «...Отвергнув предупреждения высших Сил, он в решающий час лишил себя Их помощи» [2, с. 94-95]. Отказ от Бога героя-язычника-христианина носит временный характер.

Положение блудного сына, в котором оказывается князь Игорь по отношению к старейшему из русских князей, Святославу, названному в тексте «отцом» Игоря и Всеволода, определяет и характер поведения героя. В «Слове» наблюдается устремленность к поведенческому канону инварианта (выраженному вобретении духовного единения), символическая природа и мифопоэтическая топография которого совпадают с литературным памятником Древней Руси (работа свинопасом – седло невольника; своя земля – чужая земля). Оба текста посвящены вечной теме взаимоотношений поколений.

¹ Диаметрально противоположный, контрастный.

² Расхождение в позициях и суждениях, разногласие, идеологический конфликт, известный читателю не только по репликам героев произведения, но и из Летописного свода, исторических документов и исследований академика Д. С. Лихачева.

Мотив своеволия «продвигает» повествование, развертывает перспективу событийного развития [5, с. 13] и дает возможность углубления в сознание героя. Своеволие сменяется горькой судьбой – *долей*. «...Пир закончили храбрые русичи, сватов напоили, а сами полегли за Русскую землю. Никнет трава от жалости, и дерево от горя к земле склонилось. <...> Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная течет среди земли Русской. <...> Игорь и Всеволод, обособившись, зло разбудили, которое прежде успокоил отец их, Святослав грозный великий Киевский. <...> Уже пала хула на хвалу, уже набросилась нужда на волю, уже низринулся Див на землю» [6, с. 39-41]. Диалектическая диада «*воля – доля*» также отсылает читателя к мифологическому источнику и коррелирует с его структурой. Тема горькой судьбы Игоря и всей Русской земли представлена через развернутую в тексте тему плача (плач всей земли – плач Святослава – плач Ярославны). Факт пленения героя и гибель целого войска – знак беды и поражения. Устремления героя с проявленным индивидуальным началом, связанные со стяжательством личной славы, преумножением чести и нарушением запрета, приводят к отрицательному результату в биографии Игоря, сопряженному с поражением и осознанием вины: горькая доля семантически дополняется значением претерпевания бедствий.

Обращение к помощи высших светлых сил Ярославны, символизирующей любовь к Родине и веру в светлые Небесные силы, молящей о спасении князя Игоря, становится для героя спасением. «Игорю-князю бог (*курсив наш – Э. Р.*) путь указывает из земли Половецкой в землю Русскую, к отцовскому золотому столу» [Там же, с. 44]. «Бог открывает человеку заповеди поведения» [3, с. 71] через природу. Указание пути свыше позволило герою в своем сознании смоделировать собственный побег, реализованный с помощью слуги Овлура: «Игорь спит, Игорь бодрствует, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Уже с конями в полночи Овлур свистнул за рекой; дает князю знать. Князю Игорю не быть в плену!» [6, с. 44].

Фабула повествования инварианта в «Слове» обрастает новыми событиями, через которые в сюжете презентуются приращенные мотив *побега* из плена и мотив *погони* недругами. Мотив погони как очередное событие в сюжете произведения отражает действие двух актантов с противоположными функциями – того, кто гонится («По следу Игоря едут Гзак с Кончаком»), и того, кто уходит от погони. А на имплицитное наличие мотива *искушения* в структуре «Слова» указывает эпизод диалога половецких ханов: «Говорит Кончак Гзаку: “Если сокол к гнезду летит, мы с тобой соколика опутаем красною девичей”» [Там же, с. 45]. Однако мотив искушения не получает своего развития, равно как и мотив *покаяния*, также входящий в структуру Притчи о блудном сыне. Но фаза покаяния в свернутом и завуалированном виде все же в тексте имеется. Об *изменении состояния героя*, его духовного статуса и начале нового пути (духовного) свидетельствует исповедальная речь, обращенная к Донцу, символизирующему границу между божьим и загробным, inferнальным мирами. В Притче на изменение духовного статуса указывает исповедальное слово блудного сына: «Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим» (Лк. 15:21) [4, с. 95]. Оно содержит покаяние в грехе как обязательную составляющую исповеди. О покаянии и признании своей вины князя Игоря говорится и в «Летописце Игоря Святославича» Летописного свода [3, с. 145-175].

Блудный сын в лице князя Игоря эксплицирован в «Слове» в соответствии с требованиями эпохи. Он, как и герой Притчи, проходит путь от несогласия к согласию и духовному единению с князем Киевским и с Богом, о чем свидетельствует приезд Игоря «ко святой богородице Пирогощей». В приезде героя к Богородице Пирогощей реализуется положительное разрешение конфликта поколений, несмотря на несостоявшуюся встречу (=не представленную в тексте) отца-властителя и блудного «сына». В обращении к Богородице Лихачев видит очищение героя через прозрение, осознание исторических корней случившегося, нравственное умиротворение, обретенное в финале произведения [Там же, с. 268]. Возвращение блудного князя Игоря ознаменовывает единение князей, Спасение Русской земли, «спасение мира и окончательное торжество над inferнальными силами» [1, с. 460]. В диалоге с мифом функции образов Святослава и Игоря аналогичны функциям отца и сына в Притче, что свидетельствует о сближении литературного произведения с мифологическим архетипическим сюжетом, заключающим в себе культурный код и создающим ассоциативное поле.

Таким образом, сюжетная структура инварианта в варианте «Слова» претерпела трансформацию: в мотивном комплексе первообраза измененными индивидуальным сознанием неизвестного нам автора предстали мотивы наследства, грехопадения, искушения, возвращения и покаяния; а единая структурная тематическая единица двух текстов сохранила конфликтность взаимоотношений. В конфликте поколений отмечается некоторая логическая незавершенность, объясняемая тем, что текст «Слова» дошел до нас не в первоначальном виде, а с «потерянными» фрагментами.

Список литературы

1. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. 605 с.
2. Косоруков А. А. «Слово о полку Игореве», или Каяльский урок русской истории // Древнерусская литература / сост. А. С. Демин. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 91-97.
3. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Художественная литература, 1985. 352 с.
4. Новый Завет // Библия. Книги Священного писания. М., 1994. С. 1-303.
5. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
6. Слово о полку Игореве: сборник / вступ. статьи Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; реконструкция древнерусского текста Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина; прозаич. перевод Н. А. Мещерского; комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина; подг. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. Серия «Б-ка поэта. Большая сер.». Л.: Советский писатель, 1985. XXXVIII. 498 с.

**EQUIVALENCE SYSTEM OF "THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN"
AND GOSPEL PARABLE OF PRODIGAL SON**

Rad' El'za Anisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch in Sterlitamak)
elza_rad@mail.ru

The author considers the correlation between the invariant that contains genetic information about the conflict between fathers and sons and the variant, which structure due to the motive of "fathers – children" somehow includes the archetypal plot, tells that the old Russian plot is the interpretation of all-temporal theme and the unique deviation from biblical norm in a particular life situation, and explains the variability of the plot about the prodigal son by the coordinates of semantic space, "laid down" in the structure of the invariant.

Key words and phrases: plot-archetype; dialogue with myth; motive; transformation; equivalence.

УДК 811.512.145'28

Филологические науки

В статье рассматриваются термины родства «эке/эхе», «ака», употребляемые в алтайских языках, в структурном и семантическом аспектах, затрагиваются вопросы, связанные с особенностями их функционирования: переднерядная (тунгусо-маньчжурские, монгольские языки) и твердоядная (тюркские языки) огласовка, употребление как женского (в указанных двух группах) и мужского (в тюркских языках) термина, квалификационный характер в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках, семантическая ограниченность в монгольских языках и др. Функционирование термина «ака» в мордва-каратаевском говоре западного (мишарского) диалекта татарского языка аналогично чувашскому и финно-угорским языкам, то есть он является женским термином, имеющим групповой характер, считается термином болгарского происхождения.

Ключевые слова и фразы: термины родства; алтайские языки; татарские говоры; квалификационный термин; сингармонические параллели.

Рамазанова Дария Байрамовна, д. филол. н., проф.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
m.r.bulatova@mail.ru

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ: ЭКЭ... АКА[©]

Под названием алтайские имеется в виду алтайская группа в составе языков монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских и корейского. Исследуя лексику названных групп языков в сопоставлении, становится возможным выявить общую для всех их слов или корней, которые можно рассматривать как составляющие основной словарный фонд праалтайского языка. Обзор таких словарных данных можно провести особенно по таким тематическим разрядам лексики, как названия частей тела животных и людей, лексика, связанная с флорой и фауной, наименования жилища и его частей, упряжи и других средств движения, глаголы и т.п.

Как известно, попытка реконструкции алтайских слов давно занимала умы лингвистов. Естественно, при этом должны быть привлечены фонетические, морфологические закономерности внутрилингвистического развития языка и экстралингвистические, т.е. внешние причины, сыгравшие ту или иную роль в этническом формировании носителей.

Одной из устойчивых, сохраняющей в себе древние, реликтные, особенности считается система терминов родства. Хотя в ностратическом словаре термины кровного родства не представлены [2]. Между тем концептуальная наполненность терминов родства ставит перед учеными ряд вопросов, связанных с формированием терминов в семантическом плане. Кстати, необходимо отметить, что во многих языках термины родства, выражающие сестер и братьев как по прямой, так и по боковым линиям, имеют классификаторский характер, то есть полифункциональны [6, т. II, с. 161, 172]. Многоязычность возникает и в ходе унифицирования терминов. Л. Г. Попова указывает, что в немецком языке индивидуальные термины свойственного родства «стали заменяться одним названием и для зятя, и для шурина, и для деверя» [5, с. 192-193]. Как известно, термины родства по браку в алтайских языках представляют собой описательные наименования, один из компонентов которых выражает идею свойственного родства, а второй – соответствующего родственника. Такая система, как нам представляется, также способствует устойчивости терминов родства по браку, на что обратили внимание Э. Н. Денмухаметова и А. Ш. Юсупова [1, с. 63].

В данной статье будут рассмотрены термины кровного родства *экэ/эге... ака/ага*. Алтайские термины родства исследованы В. И. Цинциус [13, с. 15-70], отражены также и в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских